

Отпуск как разновидность праздника

Т.В. Паликова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ,
Республика Бурятия, Россия
Tatianap25@yandex.ru

Статья поступила 12.11.2021, принята 29.11.2021

В статье впервые предпринята попытка компаративистского исследования феноменов праздника и отпуска по воспоминаниям забайкальского горожанина начала XX в. В философской, исторической и этнографической литературе достаточно хорошо изучен феномен праздника и элементы отечественной религиозной и светской праздничной культуры как в дореволюционное, так и в советское время. Отпуск же получил освещение лишь в юридической литературе с точки зрения российского законодательства. Исследуя повседневность россиян рубежа XIX – начала XX в., ученые констатировали пока еще нераздельность работы и досуга, поэтому праздник так ярко проявляет себя. Отпуск-путешествие, а именно о таком виде отпуска вспоминает верхнеудинский врач М.В. Танский, несет в себе познавательный, что важно для действующего гласного и врача, и культурно-развлекательный, востребуя полученные классические знания, активизируя эстетические эмоции, аспект. Он прерывает повседневный трудовой ритм, наполняя жизнь новыми впечатлениями, надолго запоминается. За основу сравнения были взяты выработанные историками положения праздничной культуры. В ходе анализа нарративных источников, автор приходит к выводу, что отпуск по основным критериям родственен празднику и может рассматриваться как его разновидность.

Ключевые слова: отпуск, отдых, праздник, путешествие, начало XX в.

Vacation as a kind of holiday

T.V. Palikova

Buryat State University; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
Tatianap25@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2299-0343>

Received 12.11.2021, accepted 29.11.2021

The article first makes an attempt at a comparative study of the phenomena of holidays and vacation under the memoirs of the Trans-Baikal citizen of the beginning of the XX century. In the philosophical, historical and ethnographic literature, the phenomenon of the holiday and the elements of the domestic religious and secular festive culture are well understood as in the pre-revolutionary and Soviet times. The vacation received coverage only in the legal literature from the point of view of Russian legislation. Exploring the everyday life of Russians of the turn of the XIX - the beginning of the XX centuries, the scientists have stated that work and leisure are still inseparable, which is why the vacation is so important. The vacation in the form of a journey, the Verkhneudinsky doctor M.V. Tansky tells about this type of vacation, includes not only a cognitive aspect, which is important for an active doctor, but also a cultural and entertainment aspect, and claims for the classical knowledge obtained, activating aesthetic emotions. This kind of vacation interrupts the daily work rhythm, fills life with new impressions, and is remembered for a long time. The comparison is based on the provisions of festive culture developed by historians. During the analysis of narrative sources, the conclusion is made that vacation, according to the main criteria, is related to the holiday and can be considered as its kind.

Keywords: vacation, rest, holiday, travel, beginning of the XX century.

Сама идея поставить в один ряд такие феномены, как праздник и отпуск, возникла несколько лет назад. Она не получила дальнейшего развития [1]. Данная статья представляет собой попытку ее воплощения на основе еще не исследованных воспоминаний верхнеудинского врача М.В. Танского¹.

Из трех дел именного фонда, посвященных путешествиям разных лет, мы обратимся к «Впечатлениям о путешествии по Европе в 1911-1914 годах. (Путевым заметкам, изложенным в 8 записных книжках» [2].) «Заметки», исписанные синими и

¹ Михаил Владимирович Танский (1869-1962), родился в семье финансового чиновника. Учился в Иркутской (1883-1887) и Читинской (1887-1891) гимназиях, на Физико-математическом (1891-1895) и Медицин-

ском (1896-1899) факультетах Казанского университета. С 1905 г. вел врачебную практику в Верхнеудинске, в 1910-х гг. – гласный Верхнеудинской городской думы.

чёрными чернилами мелким почерком, общим объемом 488 страниц, сосредоточены в блокнотах небольшого размера в черной коленкоровой обложке и датируются 1915 г. Можно заметить некоторое несоответствие авторского названия самому источнику. Записных книжек, посвященных европейским путешествиям, - 7 (8-я – понравившиеся цитаты из прочитанных книг), а путевые заметки как жанр, предполагающий записи во время путешествия, представлены воспоминаниями о нем.

Воспоминания – любопытный жанр, важный документ об эпохе, свидетельство с пристрастием. Воспоминание о путешествии интересно вдвойне. Это не путевые заметки, которые пишутся для памяти, находясь «здесь и сейчас», внутри события. Это взгляд в прошлое по прошествии времени на основе собственного опыта. Ценность его в том, что автор имел возможность упорядочить свои эмоции и ощущения, у него сложилась определенная система сравнений и ассоциаций, сформировалось устойчивое осознанное мнение о событии. Правда, воскрешение в памяти прошлого может грешить неточностью воспроизведения, но наш герой избежал этого, потому что небольшой срок разделяет путешествия и воспоминания о них. И потому, что слишком значимы сами события. Поэтому и картины, недавно виденные, встают перед внутренним взором как наяву.

Жизнь человека включает в себя два неравных по длительности периода: время работы и время отдыха. Первое предполагает повседневное существование человека, его быт, наполненный хлопотами о хлебе насущном, каждодневное повторение определенного набора действий и поступков в стереотипных, рутинных ситуациях, связанных с жизненным ритмом. Второе является временной передышкой для рекреации, тем, что сегодня называется досугом. В ситуации конца XIX – начала XX в. как такового, четко выделенного из общего трудового ритма еще не существовало и, хотя понятие уже фиксировалось в некоторых словарях, оно в большей степени перекликалось с понятием отдых [3, с. 481]. В циклическую смену видов деятельности включались праздники. Они появились на заре человечества и были, по замечанию М.М. Бахтина, важной первичной формой человеческой культуры, получившей «санкцию... из мира в ы с ш и х ц е л е й², т.е. из мира идеалов» [4, с. 13-14.]. Празднество выполняет важнейшую социальную функцию, дополняя собой будничность, гармонизируя человеческую жизнь, придает ей полноту бытия. Существующие концепции исходят из противопоставления праздника, строящегося по иным, чем повседневные, правилам, общему размеренному существованию, ежедневному активному деятельно-

му бытию. Праздник противопоставит будням по внешним (социумным) и внутренним (психологическим) проявлениям. Он проживается иначе, вызывая определенные чувства приподнятости, торжественности, значимости переживаемого события. Российский праздничный календарь состоял из ежегодно празднуемых церковных и имперских (связанных с событиями в жизни царской семьи) торжеств, в который включались юбилейные празднования, посвященные важнейшим событиям российской истории или великим людям страны.

Светский праздничный комплекс второй половины XIX – начала XX в. состоял из трех компонентов: торжественно-официального, массово-развлекательного и домашне-бытового [5]. Торжественно-официальный компонент, как правило, включал в себя церковный церемониал (торжественное богослужение, крестный ход) и светские мероприятия (торжественный акт в зале заседаний городской думы). Массово-развлекательный – представлял собой народное гуляние с его основными сезонными атрибутами: качелями, каруселями, катаниями с гор, балаганами, театром Петрушки - и был сродни карнавалу действу [6, с. 207].

Дореволюционный праздник нес на себе четко обозначенный сословный характер, что вытекает из характеристики двух его компонентов. Если светские мероприятия предназначались исключительно для городской элиты, церковный церемониал предполагал участие всех горожан вне зависимости от сословной принадлежности, и гуляния в большей мере собирали городские низы. При этом праздник способствовал единению всех горожан в эмоциональном переживании празднуемого события.

Ареной действия и торжественного прямо выражавшего идейную основу праздника, и развлекательного компонента, призванного сделать праздничный досуг более интересным и разнообразным, становились общественные места: площади городов, городские сады, театры и общественные собрания. Они украшались «сообразно торжеству», подчеркивая его смысл и значение.

Художественное осмысление реальных событий создавало определенный праздничный настрой, особую атмосферу, выраженную в ярком художественном оформлении (государственные флаги, гирлянды зелени и цветов, вензеля и транспаранты, свечи и плашки) [6, с. 207]. Иными словами, празднику предшествовала подготовка (составление программы мероприятий), празднование начиналось с некоего «введения в торжество» (молебн, крестный ход), за которым следовало само празднество.

Праздник – феномен многофункциональный: он переживался эмоционально и давал эстетическое наслаждение от увиденного (красота убранств

² Разрядка М.М. Бахтина

ва города, празднично одетые люди, театральные постановки и т.д.). Помимо эмоционально-эстетической, он выполнял просветительную функцию, становясь средством познания, и надолго запоминался благодаря бесплатной памятной продукции (книги, буклеты, листовки, портреты).

Теперь поговорим об отпуске, используя элементы лингвистического анализа текста воспоминаний М.В. Танского с целью выявления общности этих феноменов. Предваряя анализ текста «Записок», скажем, что, как правило, представления о видах отпуска по его целям в описываемое время мало чем отличались от современных: так же можно выделить рекреационный, курортно/лечебно-оздоровительный, познавательный и т.д. Отпуск М.В. Танского – отпуск-путешествие классифицируется как познавательный, культурно-развлекательный.

Отпуск такое же «выпадение» из трудового и бытового ритма. «Позади обыденная жизнь с работою, которой никогда не переделаешь, с мелочными дрязгами и заботами, которых не изживешь, впереди – четыре месяца *привольного, беспечного* (здесь и далее курсив наш – Т.П.) *жизья*», – писал М.В. Танский [7, л. 2, 3.]. Уже одна мысль об отпуске изменяет психологическое состояние отпускника, тем более в Сибири, где отпуск, как правило, предоставлялся не чаще одного раза в два года³. «Чувствуешь, что с плеч свалился, как будто десяток, другой, чувствуешь себя гимназистом, *весело* катящимся на вакацию после благополучной сдачи экзаменов по всей классической премудрости...», его расположение духа: «дышишь *веселым* воздухом и целиком отдаешься... жизни и *покою*...», любуясь придорожными ландшафтами. Все это пробегает *пестрою* картиною, как в синематографе перед *очарованными* взорами», настраивает на иной размер спокойного существования и восприятие действительности: «Спишь под *укачивание* вагона и под *мерный* шум и ночью и днем... Читаешь массажи газет, каждый день *бегущие* из России навстречу *свеженькие* номера... Гуляешь на станциях, где более продолжительные остановки, с любопытством рассматриваешь публику встречных поездов» [7, л. 3]. Даже возможность читать свежие номера газет радует сама по себе (в Забайкалье центральная пресса всегда приходила с некоторым опозданием).

Отпускная жизнь тоже начинается с подготовки, причем планируется не только «программа» отдыха, но само отпускное время. Затем следует путешествие к месту («введение в торжество») и, наконец, сам отпуск-отдых.

Он также, как и праздник, глубоко переживает, и особый психологический настрой не исчезает до его окончания. Праздник ожидал отпускника и в месте пребывания. Отпуск тоже разворачивается в общественных местах: «Излюбленным местом гуляния публики [в Ялте] служит городской сад с великолепными кипарисами, с дивными розами. Во время сезона в саду играет всегда хороший симфонический оркестр... Иногда ...можно увидеть что-то вроде маленьких *карнавалов*» [7, л. 32].

Обратим внимание на факт «вкладыша» – праздника в празднике. Этот праздник (отпуск) не просто сродни карнавалу, он иногда проявляет себя через карнавал. Но, пожалуй, в большей степени, он похож на театр (если рассматривать город, как систему кулис или систему множества сцен (В. Глазачев), где сценой может стать перрон железнодорожной станции или городской бульвар, позволяя с любопытством разглядывать публику: «Город [Феодосия] производит хорошее впечатление, чистенький, уютный с *веселою* толпою на улицах. Все города Крымского побережья, которые я видел ... имеют общую привлекательную черту: это *праздничное* *настроение* толпы *беспечно* *нарядной* и *оживленно* *толкующейся* на улицах и бульварах» [7, л. 31-32].

И отпуск – явление массовое, объединяющее и интегрирующее разные группы людей в единое сообщество отдыхающих. Правда, он тоже имеет четкий сословный характер, ведь большая часть отдыхающих – люди привилегированных страт.

Отпуск также вызывает чувство глубокого эстетического переживания. Даже уже использованных фрагментов воспоминаний Танского было бы достаточно для подтверждения этого. Но приведем еще один пример эстетического наслаждения, искреннего восхищения нашего героя от увиденного пейзажа: «Волга... здесь мало красок, все серого тона; но все впечатления и переживания слагаются из неуловимых мелочей и заполняют всё *тихою радостью*, близкого и родного... Люблю я более всего Волгу в разливы, когда она на десятки верст охватывает водный простор, и взор тонет в лазурных далях, где вода сливается с небом... вода всюду, куда хватит глаз. *Весело* бежит пароход, *мирно* постукивает колесами, врезаясь в водную гладь, заливая за кормою широкую дорогу пенистых валов» [7, л. 7].

Отпуск включает в себе и познавательный момент. И тот, и другой – это путешествие, но, если собственно праздник – это путешествие во времени: «Официальный праздник смотрел только назад, в прошлое и этим прошлым освящал существующий в настоящем строй» [4, с.14], то есть в прошлое празднуемого события, то отпуск – это реальное путешествие в пространстве. А путешествие сочетает в себе и развлекательный, и познава-

³ Законодательно все граждане Империи, работающие на постоянной основе, имели право на 28-дневный ежегодный отпуск с сохранением содержания или один раз в два года на 2 или больше месяцев (без сохранения жалованья).

тельный аспект, и потому в XIX в. приравнивалось к образованию, существенно расширяя кругозор путешествующего [8, с. 127]. Так, в Америке (1873) нерчинский купец М.Д. Бутин параллельно изучал улучшенные способы добычи золота, что и описал в своих «Письмах из Америки» [9], а затем и переустройство своих Дарасунских приисков [10, с. 13-14]. В начале 20-го столетия в кругосветном круизе побывала супруга кяхтинского купца П.О. Немчинова, из отрывочных сведений о котором известно, что она не только побывала в Берлине, Марселе, Японии, Петербурге и Владивостоке («Все-таки, как много я видела...»), но в первый раз пробовала бананы⁴, о чем писала мужу [11, л. 11].

Путешествие 1911 г. стало для М.В. Танского воспоминанием о прошедших годах. Через 6 лет он вновь приезжает в Севастополь, где в 1905 г. работал в городской больнице, пребывание в городе вызвало в памяти имя Учителя, коллег, друзей и подруг, беззаботные холостые годы [7, л. 32].

Отпуск-путешествие было приобретением нового социального и культурного опыта: супруги Танские⁵ осмотрели картинную галерею Айвазовского, побывали на Малаховом кургане, в музее, в аквариуме, где собрана фауна Черного моря, видели раскопки Херсонеса, посетили Георгиевский монастырь, Воронцовский и Бахчисарайский дворцы [7, л. 32-37], а перечисление всего, что увидели они в Англии, Франции, Италии, Германии, Скандинавии заняло бы не одну страницу [7, л. 44-92; 12, л. 1-48]. Его ценность заключается в том, что путешественник-отпускник передавал приобретенный опыт сначала через письма, затем – рассказы и воспоминания. В этом последнем отпуск тоже похож на праздник. Так же, как и праздник, отпуск имеет большую длительность не только реальную (собственно время отпуска), но и виртуальную (долго сохраняется в воспоминаниях и переживается как дрящееся настоящее): «На досуге берусь за перо набросать воспоминания о поездке ..., которые свежи, вытуклы, несмотря на то, что прошло уже много лет, а в памяти все еще красота и свежо живут впечатления от путешествия и много скрашивают обыденную, будничную жизнь» [7, л. 1, 91].

Визуально-предметная память воплощается прежде всего в сувенирной продукции, приобретенной во время посещения того или иного места. Для Танских «память» была сосредоточена еще и в специальных альбомах, модном увлечении середины 1910-х гг., для пост-карт (открыток) с видами

городов и пейзажей, привезенными из отпуска [13], а также сохранявшихся путеводителях и картах [14].

Вместе с тем отпускное путешествие и воспоминание о нем выявляют социальный опыт отпускника. Будучи гласным городской думы Верхнеудинска, зная, с каким трудом достигается благоустройство города, М.В. Танский обращал внимание, прежде всего на внешний вид посещаемых городов: «Растительность в Астрахани почти исключительно акации и тополя. Сад густой, достаточно благоустроенный с прекрасным летним театром»; «Прекрасная наружность Ялты ... не соответствовала ей, так сказать, внутреннему содержанию. Улочки, за исключением Набережной, узенькие, с грязью, с довольно плохонькими бульжными мостовыми... А между тем Ялта первоклассный и лучший курорт Крымского побережья»; «Бахчисарай грязен и невзрачен... Небольшие домишки вытянулись почти в одну улицу, в каждом из них то лавочки, то ресторанчики» [7, л. 16, 33, 38], невольно сравнивая их с забайкальскими городами. Причем в описании и тех, и других используется одинаковая уменьшительная лексика (выделенная нами здесь курсивом), подчеркивающая их малые размеры. Для сравнения приведем описание Читы: «Домик наш в три окошка... Дома и домишки разделенные глухими заборами... маленькая речушка Кайдаловка... нигде ни одного общественного садика, ни одного цветничка» [15, л. 2-3об] или Верхнеудинска: «...городок ютился на небольшой, ровной низине, в уголке при впадении Уды в Селенгу... одноэтажные в три-пять окон домики... небольшой садик с цветничком» [16, л. 1об, 2].

И в заграничных путешествиях он не прекращал своих наблюдений, причем в «записках» ни разу не появляется уменьшительная лексика: Ньюкасл – город с «грязными закопченными строениями, сотнями гигантских труб, тонких стройных, словно подпирающих небо, облаками дыма, массой судов, обширными складами угля с приспособлениями для погрузки» [17, л. 29], Лондон – «многомиллионный человеческий муравейник», с «многолюдными, старинного типа, довольно узкими и кривыми улицами с громадными строгого вида домами», где «жизнь кипит... и в парках, в театрах»; в Париже «бульвары представляют собой улицы, засаженные с обеих сторон деревьями широкими панелями... Окна в магазинах и витринах освещены до глубокой ночи, хотя магазины и заперты», их «вывески... как рекламы играют цветными огнями..., залиты электрическим светом многочисленные иллюзии... кафе, попадающиеся на каждом шагу» [18, л. 33-75]. Нельзя сказать, что Танские не были знакомы с электричеством. Электростанция в Верхнеудинске

⁴ По всей видимости, бананы еще и в начале 20 столетия были не известны забайкальцам, это название не встречается ни в рекламах фруктовых магазинов, ни в воспоминаниях современников.

⁵ Оба путешествия М.В. Танский совершил с супругой Екатериной Алексеевной (в девичестве Сергеевой).

появилась в 1911 г., как и первые электрические фонари на центральной улице, а их родственники купцы Труневы⁶ пользовались электрическим звонком, но столь грандиозный вид ночной улицы, безусловно, должен был вызывать восхищение.

Особое внимание автор обращает на чистоту улиц немецких городов, невольно сравнивая их с родным городом, в котором, несмотря на все обязательные постановления городских властей, добиться опрятности не удавалось. В Берлине – «сверкающие как зеркало мостовые», причем уже тогда улица «при помощи особо устроенных автомобилей смывалась и вычищалась щетками», Мюнхен – «очень красивый ... с многочисленными садами и парками, город идеально чистый и опрятный, отмеченный в этом отношении даже в учебниках географии», Берн «представляет собою великолепный обширный город с широкими набережными с красивыми мостами и роскошными парками и садами с массой отелей с отличным освещением» [12, л. 17-18; 19, л. 34об]; в Вене «чуть не под каждым окошком имеется ящик с цветами... Даже на уличных фонарях прибиты ящики для цветов» [7, л. 46]. Все эти многочисленные детали повседневной жизни городов, созданные не без участия городских муниципалитетов, безусловно, были важным коммунальным опытом гласного. Будучи врачом, он не мог оставить без внимания гигиеническую выставку в Дрездене, которая произвела «хорошее и глубокое впечатление» [12, л. 26-28]. И это тоже часть обучающей функции отпуска.

Культурный опыт человека с двумя высшими образованиями, не лишенного литературного дарования, прочитывается на всех страницах воспоминаний⁷. Впервые увидев Волгу в 1891 г., он посвятил ей немало удивительных строк, потому что «Гоголь описал Днепр... Волга также воспета ..., но нет о ней ничего столь же яркого, как у Гоголя. А между тем... она много красивее, величавее и могущественнее Днепра и очень жаль, что она не нашла своего Гоголя». Железнодорожная станция «Тургеневская» заставляет вспомнить, что здесь «Тургенев переживал свои впечатления, которые послужили материалом для “Записок охотника”», а поездка по маршруту «Минеральные воды – Кисловодск» – места, увековеченные А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым: «Вот Железная гора, вот Бенгтау, Мащук, Подкумок... С жадностью вглядываешься в знакомые по описаниям поэтов места», и, конечно, Бахчисарай, где вся «обстановка носит мирный характер, и только воображение рисует

воинственные картины прошлого... Несомненно, Пушкин при посещении Бахчисарая» испытывал то же, «и настроения эти вылились в поэтических образах и описаниях его прелестного “Бахчисарайского фонтана”» [7, л. 4; 20-39]. Визит на о. Капри заставил вспомнить «Вечер в Соренто» И.С. Тургенева, Рим всколыхнул в памяти знания, полученные в классической гимназии, в Париже художественные образы, созданные В. Гюго и Э. Золя, слились с реальностью, Шильон напомнил о Д. Ж. Байроне, Венеция – о У. Шекспире [7, л. 60-75; 16, л. 33-75].

Таким образом, сравнительный анализ праздника и отпуска выявил совпадение позиций по ряду основных критериев. Отпуск, как и праздник, прерывает обычный трудовой ритм, требует предварительной подготовки, наполняет жизнь беспечностью, вырабатывает определенную специфическую жизненную стилистику, карнавалом-театрален по сути, имеет сословный характер, многофункционален (эстетично-эмоционален и познавателен), оставляет долгую память о себе. Все это вместе взятое позволяет рассматривать отпуск как разновидность праздника.

Литература

1. Паликова Т.В. Отпуск как разновидность праздника // IX Конгресс этнографов и антропологов России: сб. тез. докл. (04-08 июля 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 338-339.
2. Танский М.В. Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. Путевые заметки, изложенные в 8 записных книжках // Гос. архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 35. 513 л.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1881. Т. 1. 812 с.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
5. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. 300 с.
6. Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX - начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 312 с.
7. Танский М.В. Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. № 3. Путешествие в 1911 г. // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 35.
8. Марш Розалинд. Мотив путешествия на Запад в женской прозе Серебряного века // Россия и Запад в начале нового тысячелетия. М.: Наука, 2008. 326 с.
9. Бутин М.Д. Письма из Америки. СПб., 1872. 77 с.
10. Бутин М.Д. Сибирь. Ее дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги. СПб., 1898. 473 с.

⁶ Е.А. Танская младшая сестра Л.А. Труневой.

⁷ М.В. Танский – потомок Н.В. Гоголя по отцовской линии.

11. Письмо П.О. Немчиновой супругу // ГАРБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 126.
12. Танский М.В. Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. № 6. По Швейцарии и Германии в 1911 г. Возвращение домой // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 35.
13. Альбом открыток с видами городов России // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 82. 117 л.; Д. 164. 134 л.; Д. 165. 276 л.
14. План Риги с окрестностями. - Петербург: Изд-во картографического заведения А. Ильина, 1900 // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 78.
15. Танский М.В. Чита в конце 80-х гг. девятнадцатого века (1887-1891). Очерк (по гимназическим воспоминаниям) // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 9.
16. Танский М.В. Верхнеудинск 70-80-х гг. девятнадцатого века // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп.1. Д. 6.
17. Танский М.В. Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. № 5. Часть II 1914 г. // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 35.
18. Танский М.В. Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. № 4. В Лондоне, Париже, Женеве, Монтре и Интерлакене в 1914 году // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 35.
- Танский М.В. Впечатления о путешествии по Европе в 1911-1914 гг. № 2. В немецком плену в 1914 году // ГАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 35.
- 19.